

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ИМПЕРАТРИЦА ЭПОХИ АВАНТЮРИСТОВ

ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА
И ПРУССКАЯ
ГУБЕРНИЯ

Русская история

Валерий Шамбаров

**Императрица эпохи
авантюристов. Взятие
Берлина и Прусская губерния**

«Алисторус»

2024

Шамбаров В. Е.

Императрица эпохи авантюристов. Взятие Берлина и Прусская губерния / В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2024 — (Русская история)

ISBN 978-5-00222-311-4

Середина XVIII в. была в истории России расцветом эпохи авантюристов – бурной, безалаберной, бесшабашной. Эпохи заговоров, интриг, шпионажа, изощренных дипломатических поединков. Но и царица Елизавета Петровна вполне соответствовала своему времени. Кружилась в вихрях развлечений – и с горсткой солдат овладела тронem. Упоенно танцевала, гонялась за модами – и в сложнейшей обстановке сумела удерживать страну от потрясений и катастроф. Строила дворцы, которыми и сейчас восторгаются туристы. Открыла Московский университет. Вдрызг разгромила Швецию, сокрушила лучшую в мире прусскую армию. Ее войска брали Берлин, и часть Германии стала Прусской губернией, приславшей делегации благодарить ее за доброе и мудрое правление. Об этом времени и яркой личности государыни рассказывает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова. Она написана живо и увлекательно, станет хорошим подарком для всех, кто интересуется богатым и многообразным прошлым нашей державы. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

ISBN 978-5-00222-311-4

© Шамбаров В. Е., 2024

© Алисторус, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Дитя «золотого века»	7
Глава 2. «Привенчанная» невеста короля	12
Глава 3. С крылышками и без них	18
Глава 4. Под властью матери	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Шамбаров
Императрица эпохи авантюристов.
Взятие Берлина и Прусская губерния

© Шамбаров В.Е., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

Пролог

При одном слове «русские» лучшие солдаты в ужасе разбежались кто куда. Король Фридрих, еще утром непобедимый, а сейчас едва избежавший смерти и плена, лихорадочно писал своему министру: «Я несчастлив, что еще жив. Из армии в 48 тысяч человек у меня не остается и 3 тысяч. Когда я говорю это, все бежит, и у меня уже нет больше власти над этими людьми. В Берлине хорошо сделают, если подумают о собственной безопасности. Жестокое несчастье! Я его не переживу. Последствия дела будут хуже, чем оно само. У меня нет больше никаких средств, и, сказать правду, я считаю все потерянным» [1, с. 481]. Да, это был не просто разгром. Была сокрушена созданная Фридрихом военная машина. Лучшая в мире, сминавшая любых противников. И кто же одолел его? Женщина! Которую он всегда презирал – взбалмошная, капризная, легкомысленная. С рыхлыми, плохо обученными, кое-как снаряженными войсками... Король не понимал – случилось то, что по его оценкам было попросту невозможным.

Какой же она была, его противница Елизавета Петровна? Давайте окунемся в причудливый XVIII век, когда придворный блеск отлично уживался с уличной грязью, сказочная роскошь – с дырявой изнанкой нищеты, изысканный этикет – с грубостью и непристойностью, понятия дворянской чести – с продажностью и карьеризмом. Это был расцвет эпохи авантюристов: сумбурной, беспорядочной, переменчивой, но и бесшабашной, романтической, в чем-то очаровательной. А в крутых международных хитросплетениях вызрело противостояние между Россией и Пруссией, превратившейся в главный европейский эпицентр агрессии.

Глава 1. Дитя «золотого века»

Москва встречает героев Полтавы. Художник Василий Нестеренко

В декабре 1709 г. к Москве подошли полки победителей под Полтавой. Вели множество пленных, растянувшиеся обозы трофеев. Петр I, как он любил, готовил триумфальное шествие через столицу, сам расписывал сценарий. Порадовать народ, воочию показать плоды доселе невиданной победы. Но вдруг сообщили: Екатерина, ожидавшая его в Коломенском, родила девочку. Петра это настолько обрадовало, что он даже решил не совмещать торжества, пере-

нес марш через Москву на 3 дня: «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с пришествием в этот мир мою дочь!» Позвал на пир в Коломенское и сподвижников, и шведских генералов. Для новорожденной он выбрал имя Елизавета. В то время в России оно было редким, но царю почему-то нравилось. Еще до рождения дочери Лизеттой звали его любимую лошадь, любимую собаку, построенный по его личному проекту корабль, 16-пушечную шняву.

Каким же был мир, в который пришла малютка Елизавета? Его карта была очень не похожей на нынешнюю. Величайшей мировой империей была Испанская, но она надорвалась, раскидав силы по земному шару, клонилась в упадок. А самой могущественной считалась Французская. Ее владения охватывали большую часть Индии, половину Северной Америки, колонии в Африке, Южной Америке, бесчисленные острова. Соперницами французов на мировых просторах выступали Англия и Голландия – каждая из них тоже формировала свою колониальную империю.

Но Франция и в Европе открыто претендовала на господство, из-за этого враждовала с императорами Священной Римской империи, занимавшими высший ранг среди западных монархов. Впрочем, их империя была чисто номинальной. Множество мелких германских и итальянских государств, составлявших ее, жили вполне самостоятельно, а опорой императоров оставались их личные владения: Австрия, Венгрия, Чехия, Силезия, Хорватия. А французы в постоянной борьбе с ними использовали и свою великолепную дипломатию. Традиционной их союзницей была Османская империя: а ей принадлежали Балканы, Причерноморье, половина Закавказья, Ближний Восток, Северная Африка. Не раз и не два турецкие полчища ставили Австрийскую империю на грань гибели. Ценнейшей союзницей Франции стала и воинственная Швеция, создавшая лучшую в Европе армию. Получая на ее содержание золото из Парижа, шведы перевернули вверх дном всю Германию. При этом и для себя отвоевали обширную империю, почти полностью охватившую берега Балтийского моря.

При «короле-солнце» Людовике XIV Франция достигла вершины величия и богатства. Ее дипломатия втянула под свое влияние Баварию, Гессен и еще ряд немецких, итальянских государств, римского папу. Политика Людовика была крайне агрессивной, он то и дело пытался захватить богатую Голландию, сопредельные земли Испании, Италии, Германии. Но в это же время на севере заявила о себе еще одна великая держава – Россия. Сокрушила извечного врага нашей страны, Польшу, отобрав у нее Смоленщину и Левобережную Украину.

Ее возвышение во Франции восприняли однозначно – как помеху на пути к европейскому лидерству. Разгромленная Польша покатила в полный раздраз, и Версальский двор взял ее под покровительство, подтягивая под себя. В отношении России была выбрана линия максимально вредить и ослаблять ее. На нее принялись натравливать турок. В период противостояния царевны Софьи с юным Петром французы тоже включились в игру. Шпион Людовика иезуит Де Невилль вел в Москве тайные переговоры с фаворитом правительницы канцлером Голицыным, с его ставленником гетманом Мазепой. За помощь в захвате власти канцлер и Софья соглашались вернуть полякам Украину и ввести в России церковную унию, да и Мазепа уже тогда стал предателем. Однако победил Петр. Невилль, высланный из нашей страны, во Франции издал клеветническую книгу «Любопытное и новое известие о Московии». Своему королю советовал действовать против русских жесткой силой: «Чтобы достигнуть каких-либо результатов, с ними не должно обращаться учтиво» [2].

Однако Франция распространяла собственное влияние не только силой. Людовик XIV внедрил новый образ жизни, названный лъстецами «золотым веком». В высшую ценность вводился культ роскоши. Строились вычурные дворцы, разбивались фантастические сады и парки, жизнь превращалась в феерию удовольствий, балов, маскарадов, театральных представлений. Французская кулинария стала искусством, изобретая соусы и салаты из сотен компонентов. Искусством стали и пышные наряды, прически, парики. Особой наукой стал искусственный этикет с обязательной «куртуазностью», «утонченными» манерами. Возникла и

«прециозная» литература. То бишь «драгоценная», «жеманная», для избранных. В ней, как и в поэзии, ценилась нарочитая вычурность языка. Сам король держал под патронажем и щедро оплачивал лучших художников, скульпторов, композиторов, архитекторов, философов, украшавших эту «сказку».

Но такими средствами решались и политические задачи. Стереотипам «золотого века» завидовали монархи и знать других государств. Перенимали их в меру собственных кошельков. По Европе распространялись французские моды, нравы, системы ценностей. Французское искусство и культура признавались образцами. Писатели переходили на французский – родные языки считали недостаточно «изысканными». Французский язык стал международным, вытеснил из дипломатии латынь, ранее используемую в этом качестве. Этот язык становился и признаком культуры, образованности. А тем самым утверждался высший авторитет французского короля и его державы!

Хотя в действительности позолота «золотого века» оказывалась очень поверхностной. Роскошь, дорогостоящая дипломатия, войны требовали колоссальных расходов, и они ложились на простонародье. Поэтому блеск и расточительство соседствовали со страшной нищетой. 85 % французского населения составляли крестьяне, и современник, епископ Масилон, писал: «Народ в наших деревнях живет в чудовищной нищете, ни сена на постели, ни утвари. Большинству... не хватает их единственной пищи, ячменного или овсяного хлеба, в котором они вынуждены отказывать себе и своим детям, чтобы иметь чем оплатить налоги... Негры наших островов бесконечно более счастливы, так как за работу их кормят и одевают с женой и детьми, тогда как наши крестьяне, самые трудолюбивые, при самом упорном труде не могут обеспечить хлеба себе и своим семьям и уплатить причитающиеся с них взносы».

Результатами были восстания, преступность, разорившиеся люди превращались в разбойников. Но и кары для воров с мятежниками были жесточайшими – так же, как повсюду в Европе. Ассортимент пыток был очень широким: дыба, побои, раскаленное железо, тиски для рук и ног, клинья в суставы, накачивание в рот и в кишечник горячей воды, масла. А виселица считалась самой мягкой, рядовой казнью. За более серьезную вину (и для наглядного запугивания потенциальных преступников) применялись колесование, четвертование, сожжение.

Но стереотипы «золотого века» были разорительными и для верхушки общества: чтобы вписываться в них, требовалось обставлять богатые дома, устраивать балы, содержать шикарные выезды и любовниц, играть в карты по-крупному, постоянно менять модные наряды. Развилось повальное воровство и продажность. Причем взятки во Франции были вполне официальными, считались законным вознаграждением за труды. А правительство, постоянно нуждаясь в деньгах, не платило жалованья. Предполагалось, что должность сама должна кормить человека. Идеал бедного, но гордого дворянина ушел в прошлое. Рождался тот самый порядок, где все продается и покупается. А главным становилось – продаться подороже, пристроиться к влиятельному покровителю. Или пристроить в его постель свою жену, сестру, дочь.

Между прочим, и «изысканный» этикет был не более чем показным. Отлупить слугу и даже подчиненного дворянина было для вельможи обычным. Лупили и жен. Любовницу-дворянку могли подарить друзьям, проиграть в карты, уступить более высокой персоне. Не только простонародье, но и знать изъяснялась между собой куда более грубо, чем в романах Дюма. Собственных детей Людовик звал «какашками», «козюльками», «вонючками» – это ласково, в рамках тогдашнего юмора.

«Изысканным манерам» ничуть не противоречило, что король принимал посетителей на горшке. За право подавать ему *chaise percée* («сиденье с отверстием») боролись высшие аристократы, это считалось высочайшей честью. А выносили горшок короля под конвоем четырех дворян со шпагами наголо – и все встречные должны были кланяться, снимая шляпы (кстати, к вопросу о «дворянской чести»). Королевские пиры напоминали вульгарную обжираловку. Монарх забавлялся, швыряясь в вельмож и дам яблоками, апельсинами, салатами. Правила

хорошего тона не возбраняли высморкаться в рукав, остроумной шуткой считалось плюнуть в рот заснувшему пьяному.

Причем накачиваться спиртным до бесчувствия – это тоже было обычным при всех европейских дворах. Правда, в данном отношении лидировала не Франция, а Англия. Современник О. Шервин описывал: «Пьянствовали и стар, и млад, притом чем выше был сан, тем больше человек пил. Без меры пили почти все члены королевской семьи... Считалось дурным тоном не выпить во время пиршества... Привычка к вину считалась своего рода символом мужественности во времена, когда крепко зашибал молодой Веллингтон, когда герцог Норфолкский, упившись, валялся на улице, так что его принимали за мертвеца... В Лондоне насчитывалось 17 тыс. пивных, и над дверью чуть ли не каждого седьмого дома красовалась вывеска, зазывавшая бедняков и гуляк из мира богемы выпить на пенни, выпить на два пенни и пропаться на соломе задаром».

Но в Англии имелись хотя бы туалеты – переняли то ли у русских, то ли у турок. В других странах пользовались горшками. Нечистоты и помой выплескивались прямо из окон на узкие улочки городов. От этого стояла вонища, плодились крысы, часто возникали эпидемии. При французском дворе на балах горшков не хватало. Нужду справляли, где получится. Принцесса Пфальцская писала: «Пале-Рояль весь пропах мочой». Из-за этого монархи периодически переезжали из одного дворца в другой: Версаль, Лувр, Фонтенбло, Пале-Рояль, а оставленную резиденцию скребли и чистили.

Большинство европейцев почти не мылись. Вши, ползающие по кружевам, парикам кавалеров и дам, считались нормальным явлением. «Сборник правил общежития», изданный при Людовике XIV, учил «причесываться раньше, чем идти в гости, и, будучи там, не чесать головы пятерней, чтобы не наградить соседей известными насекомыми». Тот же сборник рекомендовал «мыть руки *ежедневно*, не забывая сполоснуть и лицо». Русские послы (высмеянные во Франции как «варвары») докладывали, что король «смердит, аки дикий зверь». А зная глушила запахи пота и немытого тела крепкими духами, угри на грязной коже маскировала слоями пудры – отсюда и родилась французская косметика.

Соблазны «золотого века» стали из Польши проникать в Россию задолго до Петра. Уже при Софье знать кичилась друг перед другом дворцами, выписывала из-за границы обстановку, картины, дорожные «иномарочные» кареты, устраивала балы с танцами. Сама царевна завела себе сразу двух фаворитов, а канцлер Голицын боготворил Людовика XIV и велел сыну носить на груди его миниатюрный портрет. Но Петру с самого начала царствования пришлось столкнуться с политикой этого короля. Когда он воевал с Османской империей, Франция помогала султану разведкой, дипломатией, слала инженеров-специалистов. А после взятия Азова царь отправился в Европу с Великим посольством. Намеревался утвердить планы дальнейшего наступления на турок с союзниками – Австрией, Польшей, Венецией, папой римским. Вовлечь в войну Англию и Голландию, считая их друзьями России.

Но в это же время умер польский король Ян Собеский, а по законам Речи Посполитой трон был выборным. Людовик XIV в 1697 г. решил окончательно пристегнуть эту страну под себя, выставил кандидатом на престол своего родственника принца Конти. На подкуп делегатов сейма Франция истратила астрономическую сумму, 3 млн ливров. Подкрепила своего кандидата и силой. Сговорившись с союзными шведами, прислала на Балтику военную эскадру. Опасность четверного союза Франции, Турции, Польши и Швеции сразу понял австрийский император Леопольд – его окружали. Поддержал другого кандидата на трон, курфюрста Саксонии Августа Сильного. Тот выступил на Польшу с войсками. Однако и для России подобный четверной союз не сулил ничего хорошего. Петр с дороги рассылал приказы, на поляков двинулась 60-тысячная царская армия. Перепуганные паны на сейме быстренько «переголосовали». Низложили уже избранного Конти, и королем стал Август.

Отношений России и Франции это никак не улучшило. Но и замыслы Великого посольства провалились. наших союзников успехи Петра отнюдь не порадовали, а испугали. Прорыв русских на Черное море и Балканы их интересам совершенно не соответствовал. И к тому же, в Европе назревала совсем другая война. В Испании тяжело болел бездетный король Карлос II. Людовик XIV был в свое время женат на его сестре. Потомком от этого брака был его внук Филипп Анжуйский. Угрозами и подкупом Версальский двор добился, чтобы Карлос назначил Филиппа наследником. Французская империя могла вот-вот объединиться с Испанской, тут уж пахло реальным мировым господством!

Против подобного расклада объединились все соперники, готовились к схватке. Австрийский император был женат на второй сестре Карлоса, тоже предъявил права на наследство. К нему примкнули Англия, Голландия. А по отношению к России эти ее «друзья» повели себя подло. Британцы с голландцами выступили посредниками, помогая Австрии, Венеции и полякам заключить сепаратный мир с турками. Развязать императору руки для схватки с французами. Русских же при этом подставляли. Подзуживали султана продолжать войну с ними – отвлечь, чтобы Людовик не смог использовать турок против австрийцев.

Петр, построив Азовский флот, сумел самостоятельно принудить Османскую империю к миру. Возмущенный прежними союзниками, искал других. Вступил в коалицию с польско-саксонским Августом, с Данией. Им, как и русским, Швеция немало насолила, и царь решил пробивать выход к Балтийскому морю. Началась долгая и тяжелая Северная война. И почти одновременно в Европе разразилась другая, за испанское наследство. Но участники обеих войн оказались связаны между собой довольно непростым образом.

Для Англии и Голландии выход России к Балтике грозил крупными убытками – до сих пор почти вся западная торговля с нашей страной шла через них. Поэтому они с ходу заключили союз со Швецией, взялись помогать и флотами, и деньгами на снаряжение войск. С одной стороны, не пустить русских к морям и международной торговле. С другой – самих шведов развернуть на Россию. Подальше от театра европейской войны. Однако Карл XII оставался и союзником воюющего с Англией и Голландией Людовика XIV, получал от него субсидии. Выполнил политический заказ, согнав с престола Польши Августа и усадив на него Станислава Лещинского, свою марионетку и ярого сторонника Франции. В Версале были уверены, что шведы, разобравшись с русскими, повернут на запад, обеспечат Людовику победу в европейской драке. Но поворачивать оказалось некому. Сгнули под Полтавой... А при возвращении в Москву Петр узнал о рождении дочки.

Екатерина еще не была его женой. Со своей супругой Евдокией он расстался в 1698 г., за соучастие в заговоре царевны Софьи постриг в монахини, отправил в Суздальский Покровский монастырь (где она продолжала плести новые заговоры) [3, с. 15, 21–25]. А Марта Скаврнская, служанка пастора Глюка, попала в русский плен при взятии Мариенбурга в 1702 г. Симпатичная латышка или литовка досталась фельдмаршалу Шереметеву (по другой версии – генералу Боуру). Потом ее забрал царский любимец Меншиков. А уж от него Марта перешла к государю. Но подневольную «метреску», как называли наложниц, Петр искренне полюбил. Поселил ее в Преображенском у своей сестры Натальи, велел учить русскому языку, обычаям. В 1707 или 1708 г. распорядился окрестить ее в православие и крестным выбрал сына Алексея. Хотел и наследника породнить с ней, показывал, что эта женщина играет особую роль в жизни отца. Вот и стала Марта в крещении Екатериной Алексеевной, одного за другим рожала царю детей. Трое умерли во младенчестве. Но за ними появилась маленькая Анна, еще через год – Елизавета, ради которой Петр даже отложил победные торжества. А в судьбе этой девочки в полной мере отразились и зигзаги международной политики, и специфика «золотого века».

Глава 2. «Привенчанная» невеста короля

Портрет царевны Елизаветы в детстве. Художник Луи Каравак

Полтавская битва перетряхнула всю Европу. Балтийская империя шведов стала обваливаться. А немцы, англичане, голландцы вдруг во весь рост увидели Россию, которую до сих пор не воспринимали всерьез. Кинулись льстиво обхаживать царских послов в своих странах, будто еще вчера не унижали их насмешками и презрительными выходками. Из Польши сбежал ставленник шведов Станислав Лещинский, вернулся саксонский Август, совсем недавно предавший Петра и отрекшийся от польской короны. Заискивал, вилял хвостом, будто нашкодивший пес. Что ж, царь не отбросил блудного союзника. Он уже был опытным политиком и

видел: сейчас лучше всего восстановить на польском троне Августа. Возобновил союз против шведов и с ним, и с Данией.

Но раньше Россия была в их коалиции на положении младшего партнера. Должна была поддерживать союзников войсками, деньгами, а какие отвоеванные земли ей уступить, решали они. Сейчас условия диктовала Россия. Август надеялся подтвердить изначальные договоренности, чтобы русским отошли только Карелия и Ингерманландия (область на Неве и берегах Финского залива), а Лифляндия (Эстония и Латвия) досталась Польше. Но Петр откровенно пояснил его послу, что бывшие обязательства перечеркнул сам Август: «Все мои союзники меня покинули в затруднении и предоставили меня собственным силам. Так вот теперь я хочу также оставить за собой и выгоды и хочу завоевать Лифляндию, чтобы соединить ее с Россией, а не за тем, чтобы уступить ее вашему королю или Польской республике» [4, с. 319–320].

Один из фронтов войны сместился теперь в Германию – наступали на принадлежавшую шведам Померанию. Царь часто ездил сюда, вел переговоры с немецкими князьями, особенно сошелся с королем Пруссии. Это государство было своеобразным. Его ядром являлось княжество Бранденбург со столицей в Берлине. Но курфюрсты Бранденбурга были одновременно герцогами Пруссии – бывшей территории Тевтонского ордена. Она принадлежала Польше, и герцоги долгое время были вассалами польского короля, а в качестве курфюрстов Бранденбурга – вассалами Австрийского императора. Подобная двойная юрисдикция была в Европе нередкой. Но в Тридцатилетней войне, опустошившей Германию в 1618–1648 гг., курфюрст Фридрих Вильгельм мудро уклонялся от самых жарких схваток, а при переговорах о мире набрал клочки территорий по всей Германии, почему-либо не подходившие другим. Подсуетился и при разгроме Польши русскими и шведами в 1650-х гг. Добился, чтобы паны отказались от Пруссии, совсем отдали ее.

Фридрих Вильгельм стал по германским меркам крупным властителем. Правда, его владения располагались отдельными островами – ту же Пруссию отделяла от Бранденбурга полоса Польши с городом Данцигом (Гданьском). Эти области были неплодородными, их называли «песочницей» Германии. Они были и опустошены войнами, многие города и села обезлюдели. Но Фридрих Вильгельм зазывал и принимал любых переселенцев. Беженцев Тридцатилетней войны, гражданских войн в Англии, восстаний во Франции, жертвы религиозных гонений, поток поляков и евреев, спасавшихся от повстанцев Богдана Хмельницкого. В Пруссии они смешивались, образуя фактически новый народ.

На заре «золотого века» Фридрих Вильгельм не поддался, зато наладил эффективный чиновничий аппарат. Сформировал и отлично обучил 30-тысячную армию, она стала главным государственным предприятием. Курфюрст предоставлял ее тем монархам, кто готов хорошо заплатить. Прибыль она приносила солидную, и его сын Фридрих армию увеличил. Сам в войны не вступал, но предоставлял войска в аренду. Императору они очень понадобились и против турок, и в войне за испанское наследство. Но за это, кроме платы, ему пришлось согласиться, что Фридрих в 1701 г. короновался королем Пруссии. Почему не Бранденбурга? Да ведь он входил в Священную Римскую империю, а Пруссия – нет. Из-за этой тонкости король получался независимым от императора. А в ходе европейской войны он прихватил еще 4 мелких княжества, несколько городов прикупил.

Союз с Петром его тоже заинтересовал – уточнял лишь, какую часть шведской Померании он сможет забрать. Царь подружился с ним и его наследником. У короля жил и его юный племянник Фридрих Вильгельм Кетлер, герцог Курляндии и Семигалии (Западной Латвии). В отличие от Эстонии и Восточной Латвии, она до войны принадлежала не Швеции, а Польше. Но являлась отдельным герцогством со столицей в Митаве (Елгава), довольно богатым, имела даже колонию в Америке, остров Тобаго. В 1701 г. ее захватили шведы, герцога успели увезти в Пруссию. Теперь русские наступали, Курляндию освободили. Но племянник оставался у дяди, потому что шведы совершенно разграбили его герцогство. Петр прикинул, как бы и Курлян-

дию притянуть к России. Предложил женить герцога на своей родственнице. Король охотно согласился. Он избавлялся от нахлебника, а разоренный племянник получал русскую защиту и помощь.

Что касается родственницы, то у Петра было три племянницы, дочери его покойного брата-царя Ивана, 18-летняя Екатерина, 17-летняя Анна и 16-летняя Прасковья. Царь обратился к их матери, вдовствующей царице Прасковье, пусть выберет любую. Дочке предстояло ехать за границу, и она назвала Анну, которую почему-то не любила. Как раз после Полтавы Петр и столицу решил перенести в Петербург – сейчас-то стало ясно, не отберут! Там и сыграли пышную свадьбу во дворце Меншикова. В строящемся городе это было самое большое и красивое здание, его специально возводили не только для личного пользования Меншикова – губернатора Петербурга, а для государственных мероприятий.

К сожалению, празднества затянулись – отмечали и победы, новоселья, Рождество, Новый год. А здоровье у 17-летнего герцога оказалось слабое. Он еще в прусской эмиграции пристрастился к спиртному и перегрузок не перенес, умер [5, с. 63–64]. Анна была в полном отчаянии: не успела герцогиней стать – и уже вдова. Курляндские бароны по своим законам созвали ландтаг, избрали герцогом дядю покойного, Фердинанда Кетлера. Хотя он тоже в свое время сбежал от шведов, жил в Данциге и возвращаться в опустошенное герцогство не спешил. Обрадовались поляки: они давно мечтали лишить Курляндию автономии, окончательно забрать себе. Но Петр решил сохранить ее под своим влиянием. Поднял пункт брачного договора, что в случае смерти Фридриха Вильгельма эта страна должна содержать вдову, выделить ей часть герцогского домена.

Анне велел ехать туда, приставив к ней опытного дипломата Петра Бестужева-Рюмина. Он должен был отстаивать интересы России, получил право вызывать из Риги войска. Попутно он стал и фаворитом юной герцогини, хотя был на 30 лет старше ее, имел взрослых детей. Но Аня цеплялась только за него, он вел хозяйство, разбирался со своевольными баронами. А герцогиня в нищете, в аварийном разграбленном замке слала слезные письма в Петербург – к Меншикову, к «матушке-тетушке» Екатерине. Умоляла замолвить словечко, чтобы «батюшка-дядюшка» Петр дал денег.

В новую столицу перевезли и дочерей самого государя. Но домик Петра был слишком маленьким, удобных апартаментов государю еще не построили. Детей поселили в том же дворце Меншикова, они росли и играли с сыном и дочками царского любимца. Петр постоянно был в разъездах, и Меншиков отписывал ему: «Дорогие детки ваши, слава Богу, здоровы». А государь постоянно интересовался, как они. В мае 1710 г. передал особый привет «четвертной лапушке» – обозначил так Елизавету, начавшую ползать на четвереньках.

Но в ходе войны случился новый поворот. В турецких владениях укрылись лишившийся армии Карл XII, марионеточный польский король Лещинский, преемник умершего Мазепы Орлик. В Крымское ханство подались изменившие запорожцы: легендарная Сечь давно уже выродилась, стала пристанищем для всякого сброда, мечтавшего только о грабежах. В то время как вся Украина отвергла предательство Мазепы, поддержав Россию и Петра, запорожцы вдруг ударили русским в спину – в результате были разгромлены, уцелевшие стали изгнанниками. А Франция не забыла своего союзника Карла, польских интересов. Ее дипломаты настроили султана вступить за шведов и изменников, объявить войну. Отряды Орлика, Лещинского, запорожцев с крымцами прокатились по Украине опустошительным набегом.

Петр, уезжая к войскам, решил упорядочить отношения с Екатериной. Объявил перед родными и вельможами, что считает ее женой, намерен обвенчаться в ближайшем будущем. Екатерина снова ходила непраздной, но упросила государя взять ее в поход. Однако предприятие обернулось бедой. Петр и его военачальники переоценили собственные возможности, недооценив противника. На реке Прут их окружили полчища турок и татар. Русские героически отбивались, и неприятели, понеся огромные потери, согласились мириться. Однако усло-

вия стали тяжелыми. Россия потеряла плоды прошлой войны с турками: вернула им Азов, Приазовье, Запорожье, лишилась Азовского флота.

Екатерина в критической ситуации проявила себя достойно, поддерживала и укрепляла мужа. До сих пор в России существовал только один орден, Святого апостола Андрея Первозванного. Царь учредил второй, женский, Святой великомученицы Екатерины – первой наградил свою подругу. Выполнил и обещание, данное перед походом, 9 января 1712 г. обвенчался с Екатериной в Петербурге, в церкви Исаакия Долматского. При этом трехлетняя Анна и двухлетняя Елизавета, держась за подол матери, обошли с родителями вокруг аналоя. Тем самым приобрели статус законных, как тогда говорили, «привенчанных». Свадьба была скромной. Петр лишь узаконил уже сложившуюся семью и пышные торжества счел ненужными. В узком кругу родных и друзей посидели в аустерии «Четыре фрегата». За столы усадили и девочек, они быстро устали, и их отправили спать. Но с этого времени они получили официальный статус царевен, у них появился свой двор со слугами, няньками, «дохтурицей», поварами.

Ну а шведам турецкая победа никак не помогла. А вместе с тем рухнула и надежда на Швецию у французов. Они в сражениях совершенно измотались, их финансы были истощены, Людовик запросил о мире. Он проиграл. Его внук Филипп сохранил престол Испании, но должен был отречься от права наследовать французскую корону. Он лишился и испанских владений во Фландрии, Италии, Сицилии – большая часть его потерь досталась австрийскому императору. Голландия хоть и оказалась в лагере победителей, но по ней война каталась туда-сюда, совершенно разоренная страна выбыла из числа ведущих держав. А вот Англия урвала у испанцев великолепную морскую базу Гибралтар, контролирующую вход в Средиземное море. Но главным выигрышем считала даже не это, а «асьенто» – монополию на поставки африканских рабов в американские колонии. В результате Британия стала лидером мировой работорговли. Ежегодно в Америку вывозилось до 80 тыс. невольников, еще столько же умирало в тюрьмах по дороге.

На севере же Европы первенство России стало неоспоримым. Петр старался укрепить ее положение союзами, политическими браками. Наследника Алексея женил на принцессе Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Она состояла в родстве с супругой саксонского и польского Августа, воспитывалась при его дворе. А на сестре Шарлотты был женат австрийский император Карл VI. Но и вдовствующей царице Прасковье пришлось расстаться со старшей, любимой дочкой Екатериной. Царь выдал ее за герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского. Положение его герцогства было важным: у подножия Ютландского полуострова, два больших порта, Росток и Висмар. Могли пригодиться и для торговли, и для военного флота, и для перевозок войск.

Увы, оба брака стали неудачными. Алексей пошел совсем не в отца. Забросил порученные ему государственные дела, пьянствовал в сомнительных компаниях, появлялся домой невменяемым. Несчастная Шарлотта родила дочь Наталью, сына Петра и скончалась от родильной горячки. Перед смертью передала детей на попечение приехавшему к ней царю, а не мужу, даже не навещавшему больную, рассказала о его поведении. Петр был в гневе, его отношения с наследником испортились.

Ну а герцог Мекленбург-Шверинский оказался «подарочком» еще похлеще Алексея. Необузданный, дикого нрава, он враждовал с собственными дворянами, запросто мог поджечь чей-то замок. От него уже ушли две жены, а с русской супругой он был обходительным только до тех пор, пока ждал, что ему царь отвоюет. Потом начал так третировать, что Екатерина с родившейся дочкой Елизаветой Катариной Кристиной уехала в Россию и возвращаться к мужу не желала.

Впрочем, и политические партнеры нашей страны вели себя не лучшим образом. Мелочно ссорились, кому достанется тот или иной город, отбитый у шведов. Планы не исполнялись, операции срывались. В войну на Балтике вмешалась и Англия – русские стали ее кон-

курентами в морской торговле. К тому же, в 1714 г. умерла бездетной британская королева Анна, и парламент избрал на трон ее родственника Георга, курфюрста Ганновера. Это немецкое государство как бы пристегнулось к Англии, и в Лондоне озаботились возросшим влиянием Петра в Германии.

Могущество России пугало и ее союзников: датчан, Августа. Они дошли до того, что тайно засылали посланников к Карлу XII. Предлагали сепаратный мир и даже союз, если им оставят владения, отвоеванные с помощью русских. К недоброжелателям присоединилась Австрия. Ее тоже крайне беспокоило влияние России в Германии. Непримирым врагом нашей страны оставался Ватикан, а позиции иезуитов были сильны и в Польше, и в Австрии. При явном попустительстве Вены Карл XII сумел через австрийскую территорию проскочить из Турции в Померанию, снова возглавил шведские войска.

Русские дипломаты и их разведка за рубежом работали хорошо. Царю докладывали о враждебных происках, предательстве союзников. Взвесив ситуацию, он задумал изменить систему международных ориентиров. В 1716 г. отправился в большое путешествие по Европе. Показывал Екатерине Голландию, хотя там его приняли весьма холодно – строительство Петербурга и выход на Балтику нанесли здешним купцам крупные убытки. Но главной целью государя была Франция. Русофоб Людовик XIV недавно умер. Королем стал его маленький правнук Людовик XV при регентстве двоюродного деда Филиппа Орлеанского. Поражение в войне должно было убедить правительство в порочности прежней политики, а враги Франции, Англия и Австрия, сейчас пакостили России.

Чтобы не смущать французских аристократов вчерашней простолюдинкой, Екатерину Петр деликатно отправил в Германию. А сам покатыл в Париж, вызвав настоящий фурор. Осматривал дворцы, фабрики, академию наук. Понравилось царю далеко не все. Французскую столицу он характеризовал откровенно: «Париж воняет». Чтобы мыться, русским пришлось самим построить баню на берегу Сены. А французов шокировали «варварские» манеры Петра. Он запросто беседовал с мастеровыми, ремесленниками. После прогулки по городу явился во дворец в том же костюме. Петра же неприятно поразила расточительность знати, менявшей наряды по нескольку раз на дню. Поразила его и нищета простонародья. Уж на что в России были трудные времена, но во Франции крестьянам жилось не в пример хуже.

Однако главной цели визита царь достиг. Личным обаянием и умом сумел переломить традиционную линию Франции, повернуть ее от вражды к дружбе. Две державы обменялись послами, вскоре был заключен союз. В путешествии Петр и Екатерина не забывали детей, слали им теплые письма. А девочек уже начали учить грамоте, и старшая, Анна, отвечала родителям. Мать просила ее «писать хорошенько, чтоб похвалить за оное можно и вам послать в презент прилежания вашего гостинцы, на чтоб смотря, и маленькая сестричка также тщицлась заслужить гостинцы».

В июне 1717 г. Екатерина взволновала мужа известием, что Елизавета заболела оспой – а эта хворь была очень опасной. Нередко кончалась смертью и уж во всяком случае уродовала лицо язвами-оспинами. Но на этот раз пронесло. Царица вскоре успокоила Петра, что дочка «от оной болезни уже освободилась без повреждения личика своего». А на обратном пути царь начал получать детские послания и от Елизаветы, восторженно отвечал: «Лизетка, друг мой, здравствуй! Благодарю вас за ваши письма, дай Боже вас в радости видеть».

В Париже у нег родилась идея еще одного брака. Когда Елизавета подрастет, выдать ее за сверстника, Людовика XV! Чтобы дочка стала королевой Франции! Мельком, как бы между делом, царь забросил эту мысль матери Людовика. А подробно обсудить поручил своему послу Куракину. Сам говорил в России с французским консулом Лави, и тот доносил главе правительства кардиналу Дюбуа: «Царь рассчитывает заключить с королём союз и убедить со временем Его Величество принять в супружество принцессу, его младшую дочь, очень красивую и хорошо сложенную особу; её можно бы даже назвать красавицей, если бы не рыжеватый цвет

волос, что, впрочем, может, измениться с годами, она умна, очень добра и великодушна» [6, с. 72].

Елизавету начали готовить к такой роли, усиленно учить французскому языку, танцам, музыке, этикету. Правда, к языкам у нее были врожденные способности. Кроме французского, она в совершенстве овладела немецким, шведским, финским. Но ее сестра Анна была усидчивой, спокойной. А у Лизы и характер был «французским». Читать и вообще заниматься она не любила. Зато танцы, наряды увлекали ее полностью – живая, веселая, непоседливая.

Но и Петр перенял некоторые черты французского «золотого века». Впрочем, в XVIII в. они уже стали эталонами, от этого зависел престиж державы. В своей загородной резиденции, Петергофе, царь наметил разбить парк с фонтанами по подобию Версаля. Своим дипломатам в Европе приказывал покупать произведения искусства, сам приобретал их в путешествии. Для России нанимали за большую плату французских и итальянских мастеров. Один из них, Луи Каравак, стал придворным художником с высоким окладом 500 руб. в год и обязанностью готовить русских учеников. Он писал портреты членов царской семьи, детей.

Но для 8-летней Елизаветы Петр заказал Караваку особенный портрет, в обнаженном виде, в облике юной Флоры, греческой богини цветущей природы, весны. Это было характерно как раз для Франции, где знатные дамы «прилично» демонстрировали наготу, позируя для картин на мифологические сюжеты. Но и картина явно предназначалась для Франции. Показать, что Елизавета и ее отец не отстают от «современных» нравов. Скорее всего, и позировала не она, а было взято лишь ее лицо. Однако на характере девочки такой портрет не мог не сказаться, запечатлелся прочно. Это проявилось 30 лет спустя. Елизавета уже стала императрицей. Состарившийся Каравак остался ее придворным, писал парадные портреты. Но немецкому художнику Грооту она заказала точно такой же портрет, как детский, в виде обнаженной Флоры. И если на первом тело изображено заметно старше, чем полагалось бы 8-летней, то на втором значительно моложе, чем у 38-летней женщины. Очевидно, и целью второго портрета было убедить себя и окружающих в собственной неизменной красоте, «вечной юности»...

Глава 3. С крылышками и без них

Провозглашение Петра I императором. Художник Борис Чориков

Путешествие царя за границу совпало с событием, потрясшим всю Россию, – изменой наследника. Заговор вокруг Алексея сформировался давно из самых разнородных сил. В нем состояли родовые аристократы, недовольные переменами в стране и возвышением «худородных», родственники матери царевича и она сама – в Суздале Евдокия жила припеваючи, переписывалась шифром с любовником, генералом Глебовым, о способах «к возмущению против Его величества народа». Ее церковные покровители, епископы Досифей (Глебов) и Игнатий (Смола), были связаны с сектами «хлыстов» [7]. Участвовали послы в Австрии и Англии Авраам и Федор Веселовские, сговаривались с иностранцами. А для них, для ослабления России, Алексей прекрасно подходил.

В пьяном виде он похвалялся казнить соратников отца, отказаться от якобы ненужного флота, новой столицы, «а Питербурху пусту быть». Однако после жалоб Шарлотты Петр за сыном присматривал. До него доходило еще не все, но достаточно. Царь строго предупреждал сына, угрожая лишить наследства – тем более что в октябре 1715 г. Екатерина родила ему сына Петра. Куда там, предупреждения не действовали. При отъезде в Европу государь написал Алексею ультиматум: исправиться или постричься в монахи. Заговорщики задержались. Если постричься, сообщники-архиереи отлично устроили бы его в монастыре, дожидаться смерти отца. Но... примет ли расстригу народ?

Выбрали побег, и царевич очутился в Вене. Нет, он не был невинной овечкой. Просил у императора войска, посадить его на престол. Переговоры с ним вел вице-канцлер Шенборн и доложил выводы: выделить силы было бы можно, но царевич «не имеет ни достаточной храбрости, ни достаточного ума», поэтому проект гиблый. Другое дело, когда Петр умрет. Вот тут-то поддержка Алексея станет прекрасным поводом для интервенции, обвала России в смуту.

Ее готовил и царевич, писал сенаторам, зазывал на свою сторону. Писал друзьям-архиереям Досифею Ростовскому, Игнатию Суздальскому, поднимать за него народ, митрополита Иоасафа Киевского агитировал к восстанию Украины. Поняв, что австрийцы не спешат давать

войска, отправил аналогичную просьбу шведам. Врагам России! Ох, как загорелся Карл XII! Проигранная война могла вдруг завершиться возвращением утраченных областей! Он с ходу согласился дать Алексею целую армию.

Но его ответ чуть-чуть опоздал. Посланцы Петра выследили царевича. Отцовским обещанием простить и запугиванием, что император выдаст его, выманили в Россию. Петр в самом деле простил побег, но при условии покаяния и чистосердечного признания: что он замыслил, кто помогал. Ограничился тем, что отрешил Алексея от наследования трона. Сын вовсю сдавал сообщников, но выкручивался, что бежал лишь из страха перед гневом отца. Скрыл и заговор, и собственную измену не только царю, но и России.

Но на следствии все это сплыло, и разговор пошел уже другой. Алексей был приговорен к смерти и скончался при неясных обстоятельствах. Часть его сообщников казнили, другие отделались заключением, ссылками. Мать Евдокию по приговору церковного Собора били кнутом, отправили в Ладожский монастырь [8, с. 60]. Послы Авраам и Федор Веселовские стали «невозвращенцами», оба укрылись в Лондоне. Их брат Исаак Веселовский был личным переводчиком царя. За ним вины не нашли, но от себя его Петр удалил, назначил преподавателем французского к дочерям.

Эти события сказались и на ходе Северной войны. Визит Петра в Париж лишил шведов поддержки и субсидий Франции. Рухнули и надежды на заговор царевича. Даже упрямый Карл XII осознал: положение безвыходное. Но его советник барон Герц предложил крутой поворот. Заключить с русскими не только мир, но и союз. Смириться с утратой Прибалтики, зато получить возможность компенсировать ее датскими и немецкими владениями. Петру предъявили доказательства предательства его союзников. Он об этом и сам уже знал, согласился на переговоры со шведами.

Через изменника-посла в Лондоне Федора Веселовского информация о них раскрылась, и разразился международный скандал. Саксония, Польша, Дания обвиняли нашу страну в том, что делали они сами, предавая союзнические обязательства. А раздувала общий шум Англия, еще не терявшая надежды перекрыть России путь к Балтике. Петр их нападки проигнорировал. В конце 1718 г. был подписан мир и союз со Швецией. Осталось только ратифицировать его подписью короля.

Однако нетерпеливый Карл рванулся отвоевывать у датчан Норвегию и при осаде первой же крепости сразу был убит. Стреляли не защитники, а сблизы. А в Стокгольме его смерти уже ждали, заговорщики заранее изготовились. Тут же возвели на трон сестру короля Ульрику Элеонору, но при этом заставили ее отказаться от реальной власти, передать ее риксдагу (парламенту) и риксроду – совету аристократов, которые и возглавляли путч. Причем первым делом они заключили союз с Англией, откуда видно, кто же организовал революцию.

Новое правительство немедленно казнило Герца, расторгло договор с Россией. Вместо этого заключило мир с Данией, Саксонией, Польшей. Вскоре оформился еще один антироссийский союз: Англия – Австрия – Польша. Паны на сейме возбужденно орали, что теперь-то, с армией императора и шведами, они отберут у русских Смоленск, Украину. В Вене появился и украинский «гетман в изгнании» Орлик. Он написал «Манифест к европейским правителям», призывая бороться за «освобождение» Украины – искал, кому бы ее продать. (Эти факты еще раз подтверждают, насколько был опасен заговор Алексея.)

Против нашей страны ополчалась целая коалиция. Но Петр упредил ее, не позволил сорганизоваться. Ведь каша заваривалась вокруг Швеции. Царь и обрушил на нее удары. Построенный им Балтийский флот громил врагов на море, стал высаживать десанты в самой Швеции. Английские эскадры спасти ее не смогли. Она скисла, взмолилась о мире. Договор подписали в Ништадте в сентябре 1721 г. Россия получила все, чего она добивалась, – Неву с Петербургом, Прибалтику, Карелию. На волне победных торжеств Петр решил повисить и международный престиж своей державы, принял титул императора. Кстати, имел на него куда больше прав, чем

монарх Австрии, ведь Россия была наследницей погибшей Византийской империи, мировым центром Православия.

При этом повысился и статус государевых дочерей, они получили титул «цесаревны» – цесарем или кесарем в нашей стране величали императора. У Петра рождались и другие дети: Павел, Наталья, Маргарита, еще одна Наталья. Но они быстро умирали. Маленький Петр Петрович, провозглашенный наследником престола, прожил меньше двух лет. Возможно, сказывалась наследственность. Царь к концу жизни остепенился, перестал злоупотреблять «бахусом», однако был уже серьезно болен. Но и образ жизни Екатерины нельзя было назвать полезным. Разъезды, тряские дороги, да и пила немало.

Из их потомства росли здоровыми только Анна с Елизаветой. Отец души в них не чаял, баловал. Автору не удалось найти, в какой стране он позаимствовал обычай прикреплять девочкам к платьям крылышки наподобие ангельских. Или сам придумал? Но Аня и Лиза их носили. Иностранцы описывали их в костюмчиках с такими крылышками. А главным предназначением дочерей императора, конечно же, подразумевалось политическое – предстоящее замужество.

Один из женихов приехал в Россию летом 1721 г. – герцог Карл Фридрих Голштейн-Готторпский. Его княжество со столицей в Киле было хиленьким, но Петр связывал с ним далеко идущий проект. В Швеции после переворота наследственное право было упразднено, короля выбирали риксдаг и риксрод. Причем королева Ульрика Элеонора с мужем Фредериком были бездетными, а Карл Фридрих приходился Карлу XII и его сестре племянником, ближайшим родственником и кандидатом на престол. Его жене в перспективе предстояло стать королевой Швеции. С Голштинией имелись и другие общие интересы. Датчане в свое время захватили у нее провинцию Шлезвиг. Но и Россия имела к Дании претензии. За все услуги в войне, за освобождение ее земель от шведов царь добивался для наших судов отмены пошлин в датских проливах. Копенгаген отказывал – при поддержке Англии. Совместным давлением или оружием русские и голштинские требования можно было удовлетворить.

Хотя приехавший Карл Фридрих долгое время не знал, кого ему прочат в невесты, Анну или Елизавету. Но он и не спешил. Ему назначили солидное содержание, и он жил в Петербурге куда лучше, чем на родине: балы, праздники. А герцог и выпить любил, и потанцевать, его секретарь после каждой вечеринки должен был записывать, какие танцы отплясал его высочество. Сверкала на балах и Елизавета, уж она-то была завзятой плясуньей, сама импровизировала, придумывая новые фигуры.

Но и Петр не спешил с брачными обязательствами. Вел переговоры со шведами, чтобы подтвердили шансы герцога на свой трон. Для себя-то царь решил, что Карлу Фридриху предназначена Анна. Лиза – для Франции. Однако ее правительство согласия не давало. Смущалось, что Елизавета – дочь простолюдинки, еще и рождена до брака, «бастард». Однако и союз с могучей Россией был заманчивым, поэтому не отказывали. Уклонялись, ссылаясь на молодость Людовика XV.

В 1722 г. Петр провел особую церемонию, в присутствии вельмож и духовенства собственноручно срезал Анне и Елизавете крылышки на платьях – это должно было символизировать выход из детского возраста, цесаревны становились невестами. Правда, Ане было еще 13 лет, а Лизе 12, и французский посол Кампредон докладывал: «Обе царевны принимаются плакать, как только с ними заговаривают о замужестве, а принуждать их не хотят» [9, с. 90].

Но в любом случае дружба с Францией оказывалась полезной. Этот альянс одернул Австрию, она предпочла воздержаться от враждебных действий. Орлика выпроводила. «Гетман в изгнании» перебрался в Турцию, а султанское правительство тоже находилось под влиянием французской дипломатии. Затевать провокации и вести агитацию на Украине Орлику запретило. Французы предоставили убежище Станиславу Лещинскому, но и ему намекнули, чтобы уговорился. Мятежи его сторонников в Польше прекратились. А Петр в 1722 г. вос-

пользовался тем, что Персия рухнула в смуты. Совершил поход в Закавказье, его войска заняли Дагестан, часть Азербайджана, Каспийское побережье. Однако и Османская империя двинула армию в Закавказье, чуть не началась новая война. Французские дипломаты предотвратили ее, помогли заключить Константинопольский договор: русские и турки сохраняли за собой области, которые заняли те и другие, а персидскому шаху осталось признать это.

Хотя в зависших переговорах о замужестве Елизаветы у Петра иссякло терпение. В феврале 1723 г. он пригласил посла Кампредона для конфиденциальной беседы. Изложил новый проект, что готов удовлетвориться не королем, а сыном регента принцем Луи-Филиппом Шартрским. При этом Россия и Франция посадят его на трон Польши, согнав предателя Августа, и Елизавета станет польской королевой [9, с. 50–59]. Однако французское правительство... снова уклонилось. Потому что так и не отвергло вариант женить на Елизавете самого короля. Позже выяснилось, что в секретном списке невест Людовика XV, составленном министерством иностранных дел, дочка Петра стояла на втором месте после испанской принцессы (от которой уже решено было отказаться) [10, с. 278].

А преобразование России в империю царь не ограничил названием. Кое-что он копировал за границей: правительственные органы коллегий, Сенат. Воеводы превратились в комендантов – начальников гарнизонов, а муниципальные вопросы были переданы выборным магистратам. Но западные модели государственного устройства Петр отбросил – и парламентские, как в Англии, Голландии, Швеции, Польше, и схемы аристократической монархии, как во Франции или Испании. Он строил свою модель, оригинальную. Сохранил главными устоями Самодержавие и Православие, а опорой их сделал дворянство. Но оно давало не только привилегированное положение, а обязанности пожизненной службы, военной или гражданской. И начинать ее царь повелел с самых низших ступеней, с мелких канцелярских должностей или рядовых солдат. При этом «вход» в дворянство из низших сословий Петр открыл принципом «знатность по годности считать» и введением Табели о рангах. Любой человек, получив низший, 14-й класс гражданского чиновника, приобретал личное дворянство. Если по своим способностям дослужится до 8-го класса – то потомственное. Военные же становились потомственными дворянами с первым офицерским чином.

На закате жизни Петр развернул и суровую борьбу с воровством, коррупцией. Был повешен сибирский губернатор Гагарин, вице-канцлер Шафиров приговорен к смерти с помилованием и ссылкой с конфискацией имущества. Находились под следствием и платили крупные штрафы Меншиков, начальник артиллерии и Берг-коллегии Брюс, командующий флотом Апраксин, астраханский губернатор Волынский, десятки воров отправились в Сибирь. Повальные хищничества разгулялись и на Украине. Со времен Богдана Хмельницкого она сохраняла широкую автономию, гетман и казацкие полковники сами собирали подати, устанавливали повинности. В результате вогнали народ в натуральное рабство, разоряли поборами, заставляли трудиться на себя.

Царь знал, что там неладно. При административной реформе вместо Малороссийского приказа, находившегося в Москве, создал Малороссийскую коллегия – она располагалась при гетмане, на Украине, состояла из комендантов здешних гарнизонов. Казацкие начальники встревожились, что их бесконтрольная власть кончается. Как раз умер гетман Скоропадский, и они сами нарушили собственные законы. Без созыва Рады (делегатов всех городов и казачьих полков), в узком кругу, выбрали гетманом Павла Полуботка. Главного вора, он первым в России додумался выводить несправедные деньги за границу, в Амстердамский банк. Из-за этого и стал главным борцом за «права».

Но от простонародья в Малороссийскую коллегия уже хлынул поток жалоб. Царь вызвал фигурантов в Петербург. Они окрылились. Составили петицию якобы от всей Украины, вернуть прежние порядки. Малороссийскую коллегия ликвидировать, в их внутренние дела не вмешиваться. Не тут-то было. В столице им предъявили жалобы простых казаков, крестьян,

горожан. Полуботок со товарищи отправились за решетку. А должность гетмана после открывшейся картины царь ликвидировал. Оставил управлять Украиной Малороссийскую коллегию. Тяжелейшие подати, которые выжимали из народа казачьи начальники, Петр значительно снизил. И оказалось, что под российской властью жить гораздо лучше, чем под отдельной украинской.

Ну а некоторые реформы царя стали вынужденными. Невзирая на увлечения западничеством, он был глубоко верующим. Да только Церковь ему досталась в совершенно плачевном состоянии. Большинство священников не имели никакого образования, наследуя места отцов за взятки в епархиях. Православие сводилось к формальному соблюдению обычаев. Ожесточенно спорили: можно ли брить бороды, надевать иностранную одежду? Креститься двумя пальцами или тремя? Но за этими спорами терялась духовная суть! А в общем духовном раздоре вовсю орудовали раскольники, сектанты, всевозможные «пророки».

Патриарх Адриан встал в глухую оппозицию к царю, никаких предложений об оздоровлении духовной жизни слышать не желал. Петру пришлось самому заниматься церковными делами вместе с доверенным епископом Стефаном (Яворским), которого он после смерти Адриана поставил наместником патриаршего престола. По указам не церковных властей, а царя возродилась загложшая Славяно-греко-латинская академия в Москве, открылись Духовная академия в Петербурге, духовные школы в Чернигове, Ростове, Тобольске, широко развернулась миссионерская работа в Сибири. В войсках и на флоте были введены штатные должности полковых и корабельных священников, обязательные службы. Петр дружил со святым Митрофаном Воронежским, глубоко почитал его. И на высокие посты в Церкви ставил действительно лучших. Из его выдвиженцев были впоследствии признаны святыми Дмитрий Ростовский, Иоанн Тобольский, Иннокентий Иркутский [11, с. 24–27].

Но когда Дмитрий Ростовский прибыл в свою епархию, в Ростов Великий, то пришёл в ужас. Это же было сердце православной России. А прихожане там вообще забыли о ключевых христианских таинствах, исповеди и Причастии! С в. Дмитрий писал, что не только простолудины, но и «иерейские жены и дети мнозе никогдаже причащаются». Это подтверждал и современник Петра Иван Посошков: «Не состаревся, деревенские мужики на исповедь не хаживали; и тако инии, не дожив до старости, и умирали» [11, с. 16–17].

А потом святитель Дмитрий обнаружил еще одно страшное явление – секты «хлыстов». Христианскую терминологию они перемешали с темным язычеством. Их предводители кощунственно объявляли себя воплощениями «христов», «богородиц», «пророков». Церковное учение и таинства отвергались. Устраивались радения, где сектанты в плясках доходили до экстаза, с самоистязаниями, общими свальными оргиями, омерзительным «причастием» с частичками человеческой плоти... [7]. Но ведь в это же время и с запада в Россию хлынули католические, протестантские, масонские влияния.

Неблагополучие в Церкви остро подтвердил заговор Алексея. Среди духовенства вскрылась политическая оппозиция (и сообщники-архиереи были связаны с теми же «хлыстами»). Среди сторонников царевича оказался и Стефан (Яворский), хотя к измене он был не причастен, и Петр простил его. К этому времени у царя выдвинулись и другие помощники в Церкви, архиепископ Феодосий (Яновский), епископ Феофан (Прокопович). Но Петр оценивал их объективно. Один был администратором, второй – ученым богословом, публицистом, специалистом по духовному образованию. Оба вращались в кругу сановников, отошли от монашеской жизни, стали «церковными вельможами». На роль духовного лидера страны ни тот, ни другой не годился.

Ну и как тут было выбирать патриарха? Одного поставишь – его не будут слушаться, другого – а он потащит Церковь не пойми куда! А ведь царь отвечал перед Богом и за страну, и за защиту православной веры. Он принял очень смелое решение. Вообще ликвидировать пост патриарха. Вместе с Феофаном (Прокоповичем) разработал и ввел «Духовный регламент»,

утверждавший коллегиальный орган управления, Святейший Синод. Этот шаг вызывает массу нападков как «протестантский», «неканонический», как насилие над Церковью. На самом же деле реформа «не канонической» не являлась. Прежде чем внедрять ее, царь обратился к Восточным патриархам – Константинопольскому, Антиохийскому, Александрийскому. Они признали Синод как орган, обладавший «равнопатриаршей» властью, коллективный «брат во Христе». И Петр, в отличие от английских королей, отнюдь не претендовал на пост главы Церкви. У православных глава Церкви – Сам Христос. Царь же в отношении Синода выступал «крайним судьей». Примерно так же, как св. равноапостольный Константин Великий считался «епископом внешних дел Церкви» [11, с. 21].

«Духовный регламент» узаконил и правила церковной жизни. Предусматривалось создание духовных училищ во всех епархиях. Запрещалось содержать частных священников. Для всех православных устанавливались обязательные исповедь и Причастие хотя бы раз в год, а для монахов – хотя бы 4 раза в год. Это было не снижение требований к верующим, а повышение! Мы уже приводили свидетельства, что многие в России вообще забыли об исповеди и Причастии. А в совокупности факты приводят к однозначному выводу: петровский перевод Церкви под прямой контроль государства не погубил, а спас ее! Раздираемая склоками, зараженная ересями, она без защиты царской власти была не в силах противостоять враждебным влияниям.

Еще одна вынужденная реформа касалась наследования престола. По русской традиции преемником государя становился ближайший родственник-мужчина. Но единственным потомком императора по мужской линии остался его внук Петр – сын покойного Алексея. Царь взял под опеку внука и его сестру Наташу, поселил в Зимнем дворце. Но Петр был еще ребенком, а здоровье государя ухудшалось. Он представлял, что при мальчике-царе править будут временщики. Или из старой знати, роившейся вокруг Алексея, – порушат все достижения Петра ради собственных выгод и гонора. Или из ближайших сподвижников императора – но они-то были главными ворами, всю Россию растащат. Передавать престол внуку в любом случае было нельзя. Царь нашел только один выход. В феврале 1722 г. он издал «Устав о наследии престола». Прежнюю традицию отменил. Объявил, что император может назначить наследником любого, кого сочтет достойным.

Глава 4. Под властью матери

Коронация Петром I своей жены Екатерины

Болезнь Петра прогрессировала. Наследника он не назначал, надеялся выкарабкаться. Но все же решил подстраховаться. В ноябре 1723 г. издал манифест, что намерен короновать Екатерину. То есть не просто надеть на нее корону, а провести обряд венчания на Царство. Жена при этом получала Божье благословение на верховную власть. Формально становилась даже соправительницей мужа, и если с ним что случится, под властью супруги подрастут дочери, внук Петр, а там уж время покажет, кто займет престол.

Но венчание на Царство всегда осуществлялось в священном месте, Успенском соборе Московского кремля. Эту традицию Петр нарушать не хотел. Он-то и задумывал, чтобы обряд не смог оспорить никто. А сам так расхворался, что не мог доехать до Москвы. Церемонию отложили, и она состоялась только 7 мая 1724 г. Специально изготовили первую императорскую корону (ранее все цари короновались Шапкой Мономаха). В Успенском соборе Петр своими руками возложил ее на супругу. К коронации сформировали и новую часть лейб-гвардии, эскадрон кавалергардов – личный конвой императрицы.

А приступы у царя повторились. Врач Горн сделал ему операцию, и вроде бы полегчало. К этому времени шведы подтвердили, что голштинский Карл Фридрих – главный кандидат на их трон. Согласились вместе с Россией заставить Данию отменить нашим судам пошлины в проливах, а Голштинии вернуть Шлезвиг. Тогда и Петр объявил Анну невестой Карла Фридриха. Перед обручением они подписали брачный договор: оба заведомо отрекались от претензий на корону России. Но по секретной статье Петр оставлял за собой право назначить наследником их гипотетического сына.

А тем временем на царя продолжали сыпаться и доклады о хищничествах его приближенных. Разгневанный Петр отдал Меншикова под следствие, отстранил от всех должностей,

не желал больше видеть. Стало вскрываться и воровство архиепископа Феодосия (Яновского). Самым же страшным ударом для императора стали доказательства измены только что коронованной жены с камергером Монсом. Екатерине он ничего не сказал, но приказал проверить дела Монса. В результате прилюдно выворачивать грязное семейное белье вообще не понадобилось. Камергер управлял канцелярией императрицы и организовал натуральное бюро взяток. Собирал жирный навар за ходатайства Екатерины перед мужем: кого простить, кого повысить – чем и пользовались Меншиков, Волынский, Шафиров, Феодосий и иже с ними.

Это творилось прямо в семье Петра! Сообщниками «бюро» были сестра Монса – статс-дама государыни Матрена Балк, секретарь Столетов, шут Балакирев, паж Соловов. 26 ноября камергера казнили сугубо за должностное преступление, роман с царицей на суде нигде не упоминался. Матрену били кнутом, остальных – батогами, отправив в ссылки. А с женой царь перестал общаться. Исключением стал день рождения Елизаветы. Она, может быть по наущению матери, упросила отца, чтобы оба были не ее празднике. И выглядела такой же беззаботной, будто в семье ничего не произошло. Петр не стал портить 15-летие любимой дочки выяснением отношений, но двери в его покои остались для жены закрытыми.

Ну а в январе 1725 г. на Водосвятии государь застудился, и болезнь свалила его совсем. Только тогда он допустил к себе Екатерину, вызвал Меншикова. С ними Петра связывали лучшие годы жизни – победы, свершения. Вот и цеплялся невольно за прошлое. От боли царь кричал, потом даже на это не стало сил. Екатерина не отходила от его постели, дежурили дочери. В ночь на 28 января, соборовавшись и причастившись Святых Таин, Петр отошел к Господу. Преемника он так и не назвал – в мучениях впал в забытие и в сознание не приходил [12].

А собравшиеся во дворце сановники, военные, духовенство уже спорили, кто займет трон. Родовая знать во главе с Голицыными и Долгоруковыми (их фамилию писали и иначе, Долгорукие) уверенно прочила внука, Петра. Прямой наследник! И ведь для них открывалась идеальная возможность захватить ребенка под свое влияние. «Худородные» выдвиженцы Петра доказывали, что венчанием жены на царство он уже выразил свою волю, Екатерина останется законной императрицей. Впрочем, решающими стали не юридические аспекты, а энергия и хватка «худородных».

Меншиков и его товарищи еще при живом царе договорились с гвардией. Она императора обожала, любила и его жену: Екатерина навещала воинов с мужем, запросто беседовала, опрокидывала с ними чарку. По сигналу Меншикова гвардейцы оцепили дворец, вломилась в зал, наполненный вельможами. Гаркнули «виват!» Екатерине – и аристократам пришлось подхватить, кланяться той, кого в своем кругу величали «портмоей» (прачкой). Сенат и Синод мгновенно решили вопрос о наследовании.

Вскоре за царем умерла и младшая его дочка, 6-летняя Наташа. Хоронили их вместе. Но Россия продолжала жить по распоряжениям, отданным еще Петром. Единственным неприятным и неожиданным эксцессом при смене монарха стало дело архиепископа Феодосия (Яновского). Он понадеялся, что слабую женщину, только что потерявшую мужа и дочь, можно подмять под свое влияние, запугивая «Божьими карами». Повел себя откровенно вызывающе, оскорблял сенаторов и Меншикова. Но ошибся, Екатерина манипулировать собой не позволила. За Феодосия взялись серьезно, и открылись масштабное воровство, крупные подозрения в ереси и даже создание в Церкви тайного «ордена» – он заставлял подчиненных приносить особую присягу на верность лично себе [13]. В итоге отправился в заточение в Николо-Корельский монастырь, и эта история лишний раз подтвердила правоту Петра, упразднившего пост патриарха. Первым претендовал на него именно Феодосий.

А Екатерина по натуре была женщиной доброй. Ей хотелось заслужить любовь подданных, сделать для них что-то хорошее. Незадолго до смерти, в 1724 г., Петр ввел «подушную» подать на содержание армии и флота. Перепись населения насчитала 5 млн 800 тыс. «душ мужеска пола». На них, независимо от возраста и состояния здоровья, распределили суммы,

необходимые на военные нужды. Получилось 74 копейки в год с крепостных, с государственных крестьян дополнительно 40 коп. (им не надо было платить оброк помещику, трудиться на барщине), с горожан – 1 руб. 20 коп. Духовенство и дворяне налогами не облагались, но должны были собирать их со своих крестьян.

Хотя подать оказалась очень обременительной, и Екатерина загорелась снизить ее. Но из-за расходов на те же армию, флот, строительные проекты денег в казне остро не хватало, и пожелание императрицы выполнили чисто символически, снизили на 4 копейки. Зато амнистия она провела широко. Первым делом освободила и возвысила пострадавших по делу Монса. Простила и воров, вроде Шафирова, и даже осужденных по делу царевича Алексея. Кроме его матери Евдокии. Ей единственной наказание ужесточили. Перевели из монастыря в камеру Шлиссельбургской крепости. Она была не рядовой соучастницей сына, а одним из организаторов заговора. Сочли, что без Петра она представляет даже большую угрозу, чем при нем.

От мужа Екатерине досталась весьма квалифицированная команда в правительстве. Меншиков, восстановленный в должностях президента Военной коллегии, сенатора, генерал-губернатора Петербурга. Генерал-прокурор Сената Ягужинский. Начальник Тайной канцелярии Петр Толстой. Международные дела возглавил молодой выдвиженец Петра Генрих Иоганн Остерман – в России его называли Андреем Ивановичем, талантливый дипломат, именно его заслугой стал непростое заключение Ништадтского мира.

К государственным делам пришлось приобщиться и Елизавете. Потому что ее мать так и не освоила грамоту. Вот и пригодился каллиграфический почерк дочки. Когда нужна была подпись императрицы, Екатерина вызывала ее. А среди тех, кто попал под амнистию, был врач Иоганн Лесток. Уроженец немецкого княжества Лüneбург, но по происхождению француз и отъявленный авантюрист. Успел послужить лекарем во французской армии, отсидеть в парижской тюрьме. Подался в Россию, сумел хорошо преподнести себя и стал лейб-медиком царицы. Екатерине он очень нравился. Высокий, веселый, по-французски галантный. Но он сохранил и французские нравы. Соблазнил и жену, и дочерей царского шута Лакосты, со шпагой вступил в драку с его слугами, и Петр сослал нарушителя порядка в Казань. Теперь государыня возвратила Лестока, но место ее личного врача было уже занято, и она назначила француза лейб-медиком к Елизавете. Столь колоритная фигура не могла не оказать на девушку сильного (и отнюдь не благотворного) влияния.

Впрочем, у нее перед глазами был и пример матери. Екатерина и при Петре любила выпить, а теперь прикладывалась постоянно, напаивала придворных дам. Окружила себя и другими удовольствиями, по ее понятиям – «царскими». Обьедалась сладостями. Едва миновало 40 дней строгого траура, нашла себе фаворита, молоденького прибалтийского дворянина Рейнгольда Лёвенвольде. Взяла его к себе камергером, двух его братьев устроила на дипломатическую службу, всех троих возвела в графское достоинство.

Но простая и недалекая женщина на царском месте возомнила, что и править страной она сможет сама. Объявила своей программой «заветы Петра». Открыла, например, Академию наук по указу покойного мужа. Хотя такие события для нее становились лишним поводом к пышным празднествам и застольям. Эту сладкую жизнь она по-простому хотела подарить и своим крестьянским родственникам. Справки о них наводил еще Петр, но возвышать их явно не собирался. А сейчас Екатерина отыскала брата Карла, сестер Христину и Анну с семействами. Сделала их графами Скавронскими, потомственными дворянами Гендриковыми и Ефимовскими, наделила богатыми имениями. Однако современники называли их «темными», «глупыми и пьяными». Поэтому царица оставила при дворе фрейлиной лишь племянницу Софью Скавронскую. Остальных поселили за городом, в Стрельне, учили грамоте и правилам приличий.

Но и политику России Екатерина взялась строить из недалеких «родственных» понятий. Форсировала переговоры о браке Елизаветы и Людовика XV, соглашалась даже на его наследника. И была уверена, все в порядке. Значит, и французы почти «родственники». Они этим пользовались. Как раз собирались воевать с Испанией, и посол Кампредон приносил Екатерине самые цветистые послания... с просьбами прислать русских солдат. Царица соглашалась! Ну а как же, «по-родственному».

Столь же горячо она ухватилась за жениха Анны Карла Фридриха, совершенно неумного и безвольного, герцогом всецело манипулировал его министр Бассевич. Но для Екатерины он стал любимым зятем. Его избрание королем Швеции царица считала делом решенным. 21 мая молодых обвенчали. Секретарь герцога Берхгольц записал в журнале, что накануне Карл Фридрих впервые помылся в бане (в России он был уже пятый год). Свадьбу Екатерина закатила на 2 дня. Пиршества для знати, для народа жареные быки и бараны на вертелах, фонтаны вина из бочек.

К двум российским орденам, Андрея Первозванного и Святой Екатерины, Петр хотел добавить третий, Святого Александра Невского, да не успел. Вдова, со ссылкой на его заветы, учредила этот орден в честь свадьбы, на радостях награждала всех приближенных. Но раскипятилась и помочь зятю, отвоевать для него Шлезвиг у Дании. Под винными парами сыпала угрозы, и датский посол панически доносил о скором вторжении.

Российские сановники были далеко не дружными между собой. Меншиков враждовал с Ягужинским, с ними обоими – аристократы. Но им приходилось объединять усилия. Кое-как разруливали обещания Екатерины прислать солдат французам. Дополняли их условиями, что надо бы сперва официально решить насчет брака Елизаветы. Нет, тут французы увиливали, отделывались цветистыми заверениями, что портрет цесаревны висит в спальне короля (вероятно, копия того самого, в виде Флоры). Вельможи всячески тормозили и позывы царицы воевать с Данией. Объясняли ей, что армия не готова и с финансами худо. Она ничего слышать не хотела, упрячилась, стояла на своем.

Но ее «семейные» проекты стали с треском рассыпаться. Французский регент Филипп Орлеанский, с которым Петр нашел общий язык, давно умер. Во власти заправляли герцог Бурбон и его фаворитка де При. Их правительство рассудило, что после смерти Петра Россия ослабела. Пользу от союза с ней считали сомнительной. Тем не менее, с подобной союзницей надо было считаться, учитывать ее интересы. Зачем? Королеву решили искать такую, чтобы, наоборот, расширить собственное влияние. Браком с Елизаветой русским только морочили головы. И как раз в расчете на неопытную царицу, вдруг и впрямь даст войска?

Война с Испанией так и не началась, за нее вступился император Карл VI, заключил с ней Венский союз. Но с Францией взялась наводить дружбу Англия. 3 сентября 1725 г. был заключен Ганноверский союз – Англия, связанный с ней Ганновер и Франция объединились против Австрии с Испанией. И против России! Стороны обязались не позволить царице отобрать у датчан Шлезвиг [14, с. 21–22]. А буквально на следующий день, 4 сентября, Людовика XV обвенчали с... дочерью Станислава Лещинского!

В европейской политике разорвались две бомбы! К Ганноверскому союзу сразу примкнули Дания, Голландия. Присоединилась и Пруссия – король Фридрих Вильгельм прикинул, кому будет выгоднее продать прусскую армию в назревающем столкновении. Но союзницей Франции оставалась и Османская империя. Австрию грозили раздавить с разных сторон. Как только император Карл VI узнал, что против него поднимается такая буря, он дал своему военачальнику Евгению Савойскому указание: «Не теряя времени начать переговоры с Москвой». Всполошился и польско-саксонский Август. Франция признавала альтернативного короля!

А для Екатерины и всей России это стало плевком в лицо. При переговорах о браке французы морщили носы, что царевна – «бастард», а взяли дочку вообще не настоящего короля, шведской марионетки! Наша страна его ни дня не признавала, и прогнали-то его русские. Но

выбор в королевы Марии Лещинской сбросил и маску дружбы. Показал, что Франция возвращается к прежней линии, против России. Что она намерена подбирать под себя Польшу. И Османскую империю толкать на австрийцев и русских. Остерман, Меншиков, Ягужинский сошлись в общем мнении – необходим альянс с Австрией. С естественной союзницей и против турок, и против французов, и их поползновений в Польше.

Но в это же время добавила сюрприз и Швеция. Глава ее правительства Горн прислал вдруг сногшибательный «тайный» проект. Предлагал Екатерине дать за дочкой Анной побольше приданого Карлу Фридриху – всю Прибалтику. Доказывал, что тогда-то его точно изберут королем Швеции. И вдобавок Горн настаивал, что надо похерить и отказ герцога с Анной от российской короны. Если ее унаследует Карл Фридрих или его жена, наши державы вообще объединятся. Возникнет гигантская империя – Россия, Швеция, Голштиния. А жить они будут примерно так же, как Германская империя. Император один, а его вассалы – русский царь, шведский король, голштинский герцог. Можно еще какие-нибудь королевства выделить, вроде Украины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.